

Неоднозначность понятия войны

Франсуа-Бернар Уиг*

Франсуа-Бернар Уиг, доктор политологии, занимается исследованиями в сфере информационной науки и теории систем передачи данных. Работает преподавателем и консультантом.

Краткое изложение

Процесс демократизации, наличие военной сверхдержавы и мечта о международном порядке, поддерживаемом международным органом власти, не способствуют возникновению традиционных вооруженных конфликтов. Однако обнаружение новых слабых мест, которыми могут воспользоваться агрессоры, увеличение числа стимулов, в том числе идеологических, для развязывания войны и распространение технологий, которые могут использоваться в ходе ведения войн нового типа, привели к тому, что война и вооруженные конфликты взламывают свою классическую матрицу, начинают носить смешанный характер и выходят за прежние рамки. Автор статьи выступает за обновленную полемологию (военно-историческую науку), которая стремится объяснить механизмы этих новых типов конфликтов.

⋮⋮⋮⋮⋮⋮

Было время, возможно очень краткий момент в истории Европы, когда просто не имел смысла вопрос: «Кто сейчас воюет?», ибо каждый отдельный человек неизбежно был членом государства, которое нахо-

* Website: <http://www.huyghe.fr>.

дилось либо в состоянии мира, либо в состоянии войны¹, и человек этот был либо гражданским лицом, либо лицом из состава вооруженных сил. Если у кого-то было оружие, то оно предназначалось для того, чтобы сражаться со своим личным врагом (возможно, путем совершения преступления) или с противником, определенным политикой. Считалось, что смерть — по возможности, одного солдата от рук другого — может иметь место в определенные периоды (в течение конфликта) и причиняться в соответствии со стандартами, которые справедливо назывались законами войны. Недавнее столкновение между Россией и Грузией, в ходе которого применялись танки, солдаты носили форменную одежду, существовала линия фронта, заключалось перемирие и состоялись переговоры, мало напоминает эту модель (о кончине которой, возможно, не следует объявлять слишком торопливо).

Объявление войны и мира

Раньше вопрос о войне решался имеющими на то полномочия образованиями — суверенными государствами. Выражаясь иначе, полномочие объявить войну и определить противника было одним из атрибутов суверенной власти. Эти образования соблюдали требование ясности поведения до такой степени, что сопровождали насильственные действия актами коммуникации². Они вначале объявляли войну (или даже мобилизацию), а когда военные действия прекращались, — мир. Период кровопролития между этими двумя моментами становился причиной появления различных документов и объектов, напоминающих о нем, — от мирных договоров, подтверждающих решение (покорность проигравшей стороны или компромисс), сводок и хронологического изложения событий до памятников, сооруженных в честь «нашей» победы или «нашего подвига» и «их» поражения, песен и т. д.

Ворота храма Януса в Риме бывали открыты во время войны и снова закрывались, когда объявлялся мир. Во Франции XX века для общей мобилизации был создан определенный тип плаката и особая печать, а парад победы организовывался в соответствии со стандартным сценарием. Парадоксальная цель такого кодифицированного

1 Alberico Gentilis (*De jure belli*, 1585) определял войну как «*armorum publicorum justa contentio*» или говорил, что «война — это вооруженный конфликт, который является публичным и справедливым» (естественно, «справедливым» по мнению тех, кто ее ведет).

2 Включая «перформативные» заявления, которые создают новую ситуацию просто в силу их произнесения. См. John Langshaw Austin, *How to Do Things with Words*, Oxford University Press, Oxford, 1962.

показного поведения заключалась в том, чтобы заставить молчать как оружие, так и проигравшую сторону, которая не должна обращаться к последующим поколениям и заявлять о своих политических притязаниях. Военное и мирное время отмечались символическими знаками: люди сражались для того, чтобы изменить Историю (с большой буквы), и она вознаграждала их, сохраняя их истории (с маленькой буквы).

Храм войны

Появление новых игроков, не являющихся государствами, новых типов оружия и новых идеологических притязаний (как среди сильных, так и среди слабых) опрокинуло эти правила и способствовало распространению смешанных или неопределяемых конфликтов. Все это можно понять, только если вернуться к базовому определению войны.

Воля

Желание навязать свой закон другому (война, по словам Клаузевица, это «столкновение воль»)³ является неотъемлемым аспектом военных отношений: по крайней мере, одна сторона заявляет претензию (на территорию, ресурсы, политические изменения, верховенство определенных ценностей или исчезновение этнической группы) и стремится заставить противника согласиться с этим притязанием или отступить. Если волеизъявление понятно (а что может быть понятнее, чем заявление суверена?) и цель ясна (притязание или несогласие), то другие элементы встают на свои места.

Смертоносные последствия

В конце концов, война всегда была тем временем, «когда отцы хоронили своих сыновей», или временем, когда показатель смертности, связанной с организованным насилием, изменял демографический баланс⁴. Возможность вынесения коллективного смертного приговора

3 Carl von Clausewitz, *On War*, перевод, Michael Eliot Howard and Peter Paret, Princeton University Press, Princeton, 1989.

4 Gaston Bouthoul, *L'infanticide différé*, Hachette, Paris, 1970.

является составным элементом войны; она осуществляется в соответствии с определенными предписываемыми правилами и в рамках особых отношений с неизвестными людьми, которые признаются только между противниками.

Техничность

Не может быть войны без оружия, т. е. без конкретных инструментов. Хотя оружие может применяться и в других целях — например, для охоты, обучения или демонстрации, — оно прежде всего является средством, произведенным для того, чтобы убивать, или, по крайней мере, подавлять. Оружие воздействует на плоть, но и на разум, когда его воздействие имеет сдерживающий характер (в том смысле, что у оружия и у средств массовой информации есть общее: они являются инструментами, воздействующими на человеческий мозг).

Символичность

Здесь понятие «символ» должно пониматься в самом широком смысле; все вместе люди верят в идеи, которые обретают основное содержание за счет их реализации. Флаги или форменная одежда, которые существуют просто для того, чтобы обозначить государство или принадлежность к армии, являются самыми заметными компонентами обширной конструкции. Не может быть войны, если не будет сообщества людей, которое прежде всего будет убеждено, что существует как историческая сила, имеет собственное представление о противнике и уверено, что есть причины для того, чтобы убивать или погибнуть. Эти причины могут быть очень разными: стремление увеличить свою коллекцию черепов (что в некоторых цивилизациях очень престижно), свергнуть нового Гитлера (Милошевича, Саддама и т. д.) или установить универсальный демократический мир в других культурах. Во всех этих случаях нужны сложные приемы для того, чтобы создать общие убеждения в противовес убеждениям и символам противника.

То, что мы сейчас описали, — конечно, идеальный стандарт, который не всегда проявляется на практике так очевидно. Поэтому даже в ходе «классической» европейской войны борьба становилась «гражданской» или «партизанской» и опровергала этот прекрасный двоичный образ мыслей. Одна из двух сторон стремилась приобрести качество, в котором другая ей отказывала (армия освобождения или

законное народное движение сопротивления). Она заявляла о том, что ведет войну в ситуации, в которой другая сторона — возможно, колониальная или оккупирующая держава — не видела ничего, кроме беспорядков, грабежа, бунта и бандитизма. Однако в конце концов все заканчивалось: либо побеждало государство (и могло тогда заявлять о победе над бунтовщиками), либо другая сторона, и победив, оправдывала свое стремление взять законную власть в свои руки или провозгласить независимость государства со своей собственной территорией. Война за государственность становилась а posteriori войной государства, ведущейся государством.

Война — это хамелеон

Сейчас совершенно очевидно, что вся эта замечательная определенность куда-то исчезла. Например, если гражданин Франции, коим является автор этого текста, или любой другой европеец просто спросит окружающих его людей: «Мы воюем в Афганистане?», — он получит очень разные ответы. Есть люди, которые думают, что международная операция по поддержанию мира не имеет ничего общего с войной, а есть и те, кто утверждает, что мы ведем колониальную войну, находясь на службе у американского империализма. Но нельзя забывать и тех прагматиков, которые считают, что если талибы убили десять французских солдат в августе 2008 г. и захватывают целые провинции, несмотря на присутствие НАТО, то это больше похоже на войну, нежели на международную полицейскую операцию.

В данном случае неопределенность усиливается многими различными критериями войны (которую Клаузевиц называл хамелеоном)⁵:

- * критерий, касающийся сторон, вовлеченных в конфликт. Что такое Талибан — армия, партизанская организация или банда террористов? При каком уровне организации или легитимности одна или (и) другая сторона заслуживает того, чтобы называться армией? Когда она перестает рассматриваться в качестве разрушительной силы и приобретает достоинство возможного участника процесса Истории? И когда она перестает быть репрессивной силой и приобретает престижный статус признанного противника?

5 Clausewitz, см. выше прим. 4, I, ch.1.

- * критерий, связанный с используемыми средствами. Если некоторые используют ракеты, а другие минометы, уже трудно говорить о частном случае насилия или о незначительном насилии;
- * критерий уровня насилия или показателя смертности, который нельзя назвать низким в Афганистане, особенно если принимать во внимание количество жертв среди гражданского населения;
- * критерий осознания воюющими того, что они «ведут войну», или политической категории, в рамках которой они действуют. Однако в этом случае те, кто заявляет, что участвует в джихаде, уверены, что они ведут войну, в то время как представители западных стран отрицают наличие войны. Они прибегают к использованию акронимов и неологизмов типа «военная помощь», «поддержание мира» или, выражаясь натовскими терминами, «операция, не являющаяся войной» (OOTW), к попыткам скрыть реальность, официальное признание которой было бы слишком престижным для противника. Тот факт, что страна может вести войну, «не зная об этом» — другими словами, не обращая слишком много внимания на иногда очень опасные полицейские операции, осуществляемые от ее имени профессионалами где-то на краю империи, — вряд ли является поводом для гордости;
- * критерий задач, поставленных перед вооруженными силами. Хорошо известно, что «целью войны является мир» (Св. Августин) и что «война есть продолжение политики другими средствами» (Клаузевиц⁶). Совершенно очевидно, что если война может использоваться в чьих-то личных интересах (фантазии принца или интересы торговца оружием), она имеет смысл, только если ее рассматривать с точки зрения того мира, который предполагается установить, и, следовательно, того стабильного порядка, который должен за этим последовать и ради которого она ведется. В этом случае поддержка, оказываемая режиму Карзая, стабилизация обстановки в стране и уничтожение баз «джихадистов» составляют такую задачу, которая носит абсолютно политический характер и, вполне вероятно, подразумевает кровопролитие.

Новые формы вооруженного насилия

К этому моменту читатель совершенно справедливо может усомниться в интересе к онтологии войны, задаться вопросом, простирается ли

6 Там же.

интерес к категории войны дальше изобретательности философов и юристов и, в конечном итоге, что же на самом деле важно — количество смертей или слова. Этот образ мышления характерен для школ типа «иренология», или «исследование проблем мира»⁷, которые лишают понятие войны всякого смысла (заставляя подозревать тех, кто использует его, в том, что они, по крайней мере, «фаталисты», если не люди, благодушно относящиеся к неоднократно повторяющейся массовой резне). Таким образом, война провозглашается еще одной формой насилия — такой, которая сливается со всеми другими великими трагедиями человечества, включая экологические бедствия, и постулируется, что более неотложной задачей является постановка диагноза, а не классификация. С другого конца идеологического спектра стратеги все чаще стараются размыть «архаичную» категорию войны, выступая с позиций необходимости обеспечить безопасность перед лицом преступной деятельности, технологических угроз, катастроф, терроризма и т.д.

Пересматривая понятие войны

Однако мы считаем необходимым вновь рассмотреть понятие войны, независимо от того, в какой опасности и насколько невероятным это понятие может сегодня оказаться. Прежде всего это основополагающий антропологический опыт, каким он вошел в нашу мифологию и в наше подсознательное, каким он отразился в наших установлениях, а иногда и в законах. Каждого может раздражать тот факт, что все еще существует право «на» войну (справедливую или нет) или право во время войны, но лучше бы эти права существовали и предоставляли защиту комбатантам, чем их не было бы вовсе.

Приведу всего лишь один пример. Большое значение может иметь признание статуса комбатантов противника. Когда Соединенные Штаты интернировали «джихадистов» на базе Гуантанамо, они назвали их незаконными комбатантами, чтобы избежать необходимости применять по отношению к ним Женевские конвенции и (или) уголовное право США. Этот странный статус был статусом немецких диверсантов во время Второй мировой войны (не комбатанты, с которыми следовало обращаться в соответствии с законами войны, и не гражданские лица, которым необходимо было предоставить защиту и которые a priori

7 Johan Galtung, «Violence, Peace and peace research», *Journal of Peace Research*, Vol. 6 (3) (1969), pp. 167–91.

были не виновны)⁸ и статусом солдат (особенно чернокожих) Севера, сражающегося с Югом во время Гражданской войны в Америке.

Второй хорошей причиной для сохранения понятия войны является то, что оно подразумевает противоположное понятие — понятие мира. Если мы не будем знать, воюем ли мы и есть у нас противники, мы рискуем никогда не жить в мире.

Новые формы войны

Не говоря даже о холодной войне, основная характерная черта которой заключалась в том, что она существовала или могла вспыхнуть в любую минуту на протяжении всей второй половины XX века, происходили конфликты нового типа, некоторые из которых были реальными или воображаемыми. Сюда относится борьба между государством и комбатантами, которые заявляют о том, что они являются освободительной или революционной армией или армией, имеющей подобные цели. В 1950-х гг., например, войны не было, но были «события в Алжире». Через 40 лет алжирское правительство пыталось решить дилемму: ведет ли оно войну с подпольными боевиками исламистами или просто занимается деятельностью по поддержанию правопорядка, поскольку ему угрожают бандиты.

Вопрос становится крайне важным, когда в событиях участвует целый ряд различных вооруженных образований, как это было в 1980-х годах в Ливане, где появлялись все новые ополчения, или когда почти невозможно провести различие между политикой и преступной деятельностью. В Латинской Америке или в «золотом треугольнике» недалеко от Бирмы нелегко отличить вооруженную банду наркоторговцев от партизанского формирования.

Под вопрос ставится различие между военными и гражданскими лицами⁹ из-за тенденции мобилизовывать комбатантов, не носящих форменной одежды, среди которых могут быть дети, и из-за того, что в конфликтах все чаще погибает больше гражданских лиц, нежели лиц из состава вооруженных сил. Когда ополченцы устраивают массовое убийство людей, которые, как например в Дарфуре, почти ничего не делают, чтобы защититься, можем ли мы говорить о войне? Можно взять другой пример, если сотрудник частной военной компании выполняет задание по обеспечению безопасности, оказывает ли он

8 *Ex parte Quirin* 317 US 1 1942.

9 Martin van Creveld, *The Transformation of War*, Free Press, New York, 1991.

помощь «настоящей» армии и когда он начинает «воевать»? Где проходит граница между терроризмом, тайной войной, войной бедняков и партизанской войной?

Эта напряженность и эти противоречия достигли своего пика в тот день, когда Соединенные Штаты объявили «глобальную войну терроризму», что приводит нас к дополнительному понятию упреждающей войны¹⁰, которая разрешает вооруженное вмешательство через границу, направленное против террористических группировок или против тиранов, которые могут поддерживать эти группировки и (или) обладать оружием массового уничтожения.

«Глобальная война с терроризмом»

В глобальной войне с терроризмом сходятся все перечисляемые ниже противоречия новых войн.

- * Невозможность определить противника: что такое терроризм — идеология, практика, преступление?
- * Трудность определения критерия победы: это тот день, когда не будет больше террористов и никого, кто хотел бы осуществить нападение на Соединенные Штаты? Когда никто больше не станет производить оружия массового уничтожения? Когда ни одно государство по своей воле или против нее не будет предоставлять убежища тайным вооруженным группировкам? Существует ли такая вещь как война без победы — иными словами, «бесконечная» война?¹¹
- * Невозможность определить начало или конец войны, место, где она ведется, и статус комбатантов.
- * Трудность при проведении различия между актами войны (или терроризма), угрозами, переговорами и т.д., как это было традиционно в отношениях между воюющими.

В защиту Соединенных Штатов надо сказать, что вызов, брошенный противником, или проблема, поставленная его действиями (нападениями) и заявлениями (коммюнике и фетвами), только усугубляли неоднозначность действий террористов.

10 О понятии упреждающей войны (а не превентивной) см.: François-Bernard Huyghe, *Quatrième guerre mondiale — Faire mourir et faire croire*, Edition du Rocher, Paris, 2004.

11 Giulietto Chiesa, *La guerra infinita*, Feltrinelli, Milan, 2002.

Не существует такой вещи, как терроризм сам по себе¹², но существуют террористические действия, характеризующиеся секретностью организации (день, когда террорист наденет форменную одежду и будет ходить без маски, станет днем его присоединения к ополчению), спорадическими ударами (иначе пришлось бы говорить о сражениях, о захваченной или потерянной территории и т.д.) и выбором военных или гражданских объектов, имеющих символическое значение. Как сказал Камю: «Когда террорист убивает человека, он хочет убить идею». Кроме того, в них проявляется желание прибегнуть к разрушению как к средству провозглашения своего существования (террористы хотят показать, кто они такие, то дело, которое они представляют, свои притязания, своего противника, свою цель и многое другое — иногда лишь взрывом одной бомбы).

Терроризм все еще является компромиссом между «войной бедняков» и «пропагандой через действия». Его неоднозначный характер еще более усложняется двумя факторами. Во-первых, террористы верят в то, что ведут религиозную войну, ссылаясь на конкретную теологическую категорию: оборонительный джихад, который, по их мнению, является обязательным для каждого правоверного мусульманина. Они убеждены, как говорит Бен Ладен, что естественное право, которое требует от каждого защищать свою собственную семью, применяя силу, а также правила Корана превращают его в воина, ведущего законную оборону, истинного верующего, обреченного на страдания, но ни в коем случае не в террориста, который убивает невинных гражданских лиц. Организация, про которую говорят, что она террористическая, может в разное время совершать нападения, вести бои на территории, подобно партизанам, контролировать священные территории и обладать официальным статусом (как «джихадисты» в Афганистане до октября 2001 г.), иметь внешний вид законной организации, даже выставлять свои кандидатуры на выборах, приходить к власти и т.д. Терроризм, по определению, имеет транзиторный характер (как и война, которую он ведет и которая ведется против него, он видоизменяется): предполагается, что его действия должны привести к революции, восстанию всего народа или образованию настоящей армии.

Во-вторых, в исследовании, недавно проведенном Корпорацией Рэнд, рассматривался вопрос о том, «чем заканчивается

12 Catherine Bertho Lavenir and François-Bernard Huyghe (eds.), *La scène terroriste*, Cahiers de médiologie No 13, Editions Gallimard, Paris, 2002, доступно по адресу: www.mediologie.org/collection/13_terrorisme/sommaire13.html (последнее посещение 13 февраля 2009 г.).

существование террористических группировок»¹³ и что случилось с 648 террористическими группами, представлявшими все идеологии, после 1968 г. во всех странах. В течение всего лишь нескольких лет более половины из них исчезли; 43% были расформированы за счет того, что стали «легальными» политическими организациями. А если они смогли дойти до стадии восстания (т.е. более жесткой партизанской войны, чем подпольный терроризм), то в половине случаев они заканчивают переговорами с правительством — хотя трудно представить себе Аль Каиду, в один прекрасный день обсуждающую создание планетарного халифата со своими иудейскими и крестоносными противниками. Нападения, партизанская война, политические действия и дипломатические переговоры являются непрерывным процессом, в котором трудно отделить военные стадии от политических.

Сильный, слабый и планетарный контроль

В предыдущих примерах трудность, связанная с установлением различия между войнами, которые соответствуют традиционному определению, и псевдвойнами или «паравойнами», проистекает из определенной дезорганизации или отсутствия средств у слабой стороны. Эти конфликты, которые кое-кто считает архаичными (хотя они прекрасно могут быть и конфликтами будущего), имеют место, потому что нет «настоящего» государства или «настоящей» армии.

Однако в других случаях война трансформируется сильной стороной, выступающей либо в качестве генератора идеологических и политических структур, либо обладателя новых инструментов. Эти факторы имеют тенденцию лишать войну, которую она ведет, некоторых существовавших ранее характеристик: очевидного насилия, территориальности и ограниченной продолжительности.

Революция или трансформация в военных вопросах

Разработаны, в частности в Соединенных Штатах, теории, касающиеся некоторых из этих изменений, среди них теория «Революция в воен-

13 *How Terrorist Groups End: Lessons for Countering al Qaeda*, 2008, Rand Monograph Report, доступно по адресу: www.rand.org/pubs/monographs/MG741 (последнее посещение 13 февраля 2009 г.).

ных вопросах» (РВВ) (*Revolution in Military Affairs (RMA)*)¹⁴. РВВ, провозглашенная после распада СССР (хотя она уходит своими корнями гораздо глубже), свидетельствовала о сдвиге парадигмы. Она формируется вокруг сильного военного превосходства США и отражает техническую точку зрения. Доминирование сил США должно выражаться в использовании информационных технологий — касается ли это разведки, «транспарентности поля боя», нанесения ударов там, где это эффективно, отличной координации действий своих сил, немедленной передачи данных от прибора, обнаруживающего цель, к артиллерии, минуя громоздкую процедуру прохождения по традиционной цепочке военного командования, — здесь сторонники РВВ представляют армию как «систему систем». РВВ открыта для любых предположений относительно будущих видов оружия, основанных на нанотехнологии, управляемой энергии и т.д. на фоне взрыва информационной технологии. Некоторые уже мечтают об автоматических конфликтах, в которых будут сражаться роботы и останется мало места для таких устаревших устройств, как танки или авианосцы.

Пионеры РВВ — последователи которой в 2000-х годах вернулись к более реалистичному видению и предпочитают говорить о «трансформации», а не о революции — продолжают превозносить преимущества очень высокотехнологичной концепции, в соответствии с которой Соединенные Штаты будут в состоянии уничтожить любые обычные вооруженные силы, действуя, как кара небесная. Однако они поняли, что противник будущего постарается «сплутовать», позиционируя себя в асимметричной логике, и превратить свои слабые стороны в сильные, в частности, в средствах массовой информации и в том, что касается формирования общественного мнения. «Сильному» придется решать проблемы конфликтов низкого уровня интенсивности, терроризма и партизанской войны с гражданскими противниками в контексте, который все больше напоминает полицейские операции, проводимые в планетарном масштабе.

Многоцелевое вооруженное вмешательство

Одновременно международная система — чтобы не сказать Запад — изобрела новые формы вооруженного вмешательства, к которым относятся репрессалии, санкции и даже гуманитарные операции. Они

14 Andrew Latham, *Understanding the RMA: Brandelian Insights into the transformation of Warfare*, No. 2, PSIS, Geneva, 1999.

должны держать противников на расстоянии или защищать население. В формулировках, которые используют участвующие в этом державы, подчеркивается, что они ведут «альтруистическую» войну, которая не дает им никаких преимуществ. Они говорят, что сражаются с преступниками или врагами человечества, с лидерами, а не с народом, спасение которого как раз и является их задачей.

Это приводит нас к праву предпринимать действия, оправдывающие применение вооруженной силы для того, чтобы предотвратить неприемлемое насилие или этническую чистку. Все возрастает число военных операций, которые мы называем «операции по контролю», осуществляемых для предотвращения вооруженного насилия со стороны бедных и архаичных групп (например, этнические столкновения). В таком случае война сливается, во всяком случае на словах, с полицейскими операциями (которые в основном должны осуществляться для поддержания внутреннего порядка, но которые в результате глобализации охватывают всю планету).

Асимметричная война

Из всех категорий, используемых для описания новых форм вооруженных конфликтов, категория асимметричной войны является особенно разоблачительной¹⁵. Она определяется используемыми средствами (война бедняка противопоставляется войне сверхвооруженного богатого человека, ведущейся с применением высоких технологий), стратегией (изнуряющие действия, а не контролирование) и поставленными целями. Для сильных задача состоит в том, чтобы положить конец или ограничить деятельность слабых, которые вряд ли могут надеяться на захват столицы или подписание документа о капитуляции или иного договора. Для слабых правилом будет удержать свои позиции, добиться проигрыша противника в моральной сфере или в общественном мнении, деморализовать там, где невозможно разоружить, и сделать так, чтобы продолжение конфликта стало невыносимым. Асимметричная война основывается более всего на использовании информации, а не силы и поэтому стоит отдельно от всех классических концепций. Предполагается, что стратегическая победа не является суммой тактических; такая война не ставит вопрос о своей законности (и, следовательно, убеждений, которые отстаиваются в ней) предварительным вопросом, но превращает его в саму цель.

15 См. Steven Metz, 'La guerre asymétrique et l'avenir de l'Occident', *Politique Etrangère*, No. 1 (2003), pp. 26–40.

Трехблоковая война и военные действия четвертого поколения

Варианты концепции асимметричной войны появились недавно. Многие еще являются верными сторонниками утопии «Революции в военных вопросах», но допускают появление новых категорий стратегического мышления.

Например, трехблоковая война — термин, придуманный генералом Чарльзом Крулаком. «В какой-то момент времени лица из состава наших вооруженных сил будут кормить и одевать перемещенных беженцев, предоставляя им гуманитарную помощь. В следующий момент они будут удерживать на расстоянии два враждующих племени, осуществляя операцию по поддержанию мира, и, наконец, они будут участвовать в крайне смертоносном сражении среднего уровня интенсивности — и все это в один день... в рамках трех городских кварталов»¹⁶. Возможный сценарий такого рода требует, чтобы командование было децентрализовано (простой капрал должен быть в состоянии решить, является ли окружение враждебным, нейтральным или дружественным и какую степень насилия применить).

Что же касается «военных действий четвертого поколения», идея, обсуждаемая с 1989 г.¹⁷, то они представляют собой результат исторической эволюции. Первое поколение — это масса людей, организованных в ряды и колонны на поле сражения. Второе полагалось на огневую мощь — сначала пулеметов, а затем самолетов — и мобилизовывало огромную индустриальную машину. Третье означало маневренность, например блицтцкриг (*blitzkrieg*) во время Второй мировой войны.

Что же такое война четвертого поколения? Говорят, она соответствует информационной революции. Однако более всего она означает мобилизацию всего населения на борьбу с врагом, которая будет вестись во всех областях — политической, экономической, социальной и культурной — и будет направлена против духовной и организационной системы врага. Абсолютно асимметричная, она будет стравливать две стороны, у которых нет ничего общего. С одной стороны — державы, обладающие высокими технологиями. С другой — разрозненные транснациональные или внутринациональные игроки, религиозные и этнические группировки или

16 General Charles Krulak, Commandant US Marine Corps, Remarks at the National Press Club, Washington Transcript Series, 10 October 1997.

17 William S. Lind et al., 'The changing face of war: into the fourth generation', *Marine Corps Gazette*, October 1989, доступно по адресу: www.d-n-i.net/fcs/4th_gen_war_gazette.htm (последнее посещение 19 февраля 2009 г.).

группы, объединенные особыми интересами, без разбора нападающие на рынок, символы западного общества и его коммуникации. Сторонники теории предпочитают представлять эту войну как глобальную, гранулированную (аллюзия на размер и большое число различных форм и мотивов у групп, вовлеченных в конфликт), технологическую и медийную.

Инструменты победы

Конечно, весь этот теоретический продукт в области идей отношении силы соответствует конфронтации между «сильным» — супердержавой, которая уверена, что ей больше не надо бояться конкурента, который может с ней сравниться, и которая принимает на себя заботу о мировом порядке — и несколькими различного рода «слабыми» образованиями, полными решимости использовать недостатки системы, особенно средств массовой информации. Однако трансформация войны происходит не только из-за развития отношений силы и идей (некоторые скажут «идеологий»); она обуславливается и техническими изменениями.

Умное оружие

Стратеги придумали новые виды оружия, которое можно назвать умным (набитым компьютерной техникой), точным (знаменитые «хирургические» удары), дистанционно управляемым (возможно, из «специальной комнаты», оборудованной множеством мониторов), снабженным квазимудростью спутникового наблюдения, экономичным как с точки зрения поражающей силы, так и с точки зрения человеческих жизней, направленным больше против организации или средств координации противника, чем против живой силы, и способным повергнуть противника, который абсолютно ничего в этом не понимает, в «шок и смятение».

И хотя идея войны «с нулевыми потерями» была изобретением журналистов, а не доктриной, сформулированной Пентагоном, все большее распространение получает концепция технически совершенной войны, в ходе которой будет применяться ровно столько насилия, сколько будет необходимо, и там, где это наиболее эффективно. В связи с этим развитие пошло в двух направлениях.

Оружие несмертельного действия и информационное оружие

Разрекламированное еще в 1980-е годы оружие, которое не убивает и даже не причиняет необратимого ущерба, заняло прочное место в умах стратегов благодаря значительному развитию исследований в этой области, начавшемуся в 1990-х годах. Существуют различные типы оружия, о которых говорят, что они несмертельного или почти несмертельного действия (они созданы не для того, чтобы убивать, но нет ничего такого, что потенциально не могло бы убить человека — если это применить каким-то особым образом или в конкретных обстоятельствах). Сюда относятся снаряды, использующие кинетическую энергию (например, резиновые пули), отравляющие вещества раздражающего типа или «выводящие из строя» химические вещества, виды оружия, в которых используются парализующие электронные импульсы, а также сложные системы, предназначенные для нейтрализации транспортных средств, нарушения систем коммуникации, превращения зданий в непригодные для проживания и т.д. И при этом мы не упоминаем такие устройства из области научной фантастики, как радарное оборудование, испускающее волны, вызывающие ощущение жжения, или звуки, невыносимые для человеческого уха, и т.д.¹⁸

Все эти виды оружия соответствуют двойной цели. Первая заключается в том, чтобы не показывать — особенно по международным каналам телевидения — жестокость во время действий, предпринимаемых для поддержания внутреннего порядка, когда надо справиться с демонстрантами или бунтовщиками, или за пределами своего государства во время столкновений с гражданским населением оккупированной территории. Вторая задача заключается в том, чтобы предоставить современному солдату оружие, которое является «реостатным» (его воздействие можно приспособлять к уровню опасности, представляемой целью) и промежуточным средством для ситуаций, в которых угроза или полномочия не достаточны, но когда еще не следует применять всю поражающую силу «настоящего оружия».

Эти ситуации, приближающиеся к войне, в которых сильная сторона прежде всего хочет сдерживать применение насилия (и не демонстрировать его общественности) и в которых она проводит различие между преступными элементами, такими как террористы, и противни-

18 Давид П. Фидлер. Значение происшедшего в Москве: оружие «несмертельного действия» и международное право в начале XXI века. *Международный журнал Красного Креста*. т. 87 (859) (2005), с. 157–198.

ками, которые являются «потенциально дружественными» или «виртуально враждебными» (например, местное население, кажущийся нейтралитет которого, по крайней мере, необходимо обеспечить, поскольку деятельность в регионе осуществляется исключительно в его интересах), и лежащие в основе их концепции вряд ли соответствуют классической схеме. Все направлено на то, чтобы сохранять приемлемый уровень применения силы, как потому, что это отвечает восприятию событий общественным мнением, так и потому, что цель военных операций заключается не столько в том, чтобы одержать победу в конфликте, сколько в том, чтобы поддержать международный порядок и порядок внутри страны, если предположить, что процесс глобализации не уничтожит эту разницу.

Бессистемные угрозы и нападения, совершающиеся издалека

Одной из проблем, возникающих при смешении понятий «порядок — мир» и «война — беспорядки», является то, что сильная сторона начинает лучше осознавать бессистемные угрозы. Мы уже говорили о терроризме, но существуют формы агрессии, которой могут подвергнуться современные государства и характер которых трудно определить, уже не говоря о том, что их трудно определить как акты войны, которые бы оправдали акты возмездия. К ним относится хорошо известная кибервойна, или компьютерная война, название, которое охватывает все акты агрессии, которые могут осуществляться дистанционно, обычно с анонимного компьютера или из компьютерной сети. Это пример смешения жанров и смешанных конфликтов, характерных для нашего времени.

Такие нападения могут заключаться в распространении пропаганды (например, путем проникновения на Интернет-портал правительства, для того чтобы поиздеваться над ним или прикрепить там какой-нибудь язвительный лозунг), они могут принимать форму шпионажа (для получения секретных сведений, перехвата сообщений), но могут и представлять вид подрывной деятельности: парализация правительственного сайта, нападение на стратегически важное предприятие или нарушение функционирования того, что американцы называют жизненно важными инфраструктурами (службы, действующие в чрезвычайных ситуациях, системы водо- и энергоснабжения, дорожные службы и воздушный транспорт и т.д.).

Все это связано с использованием вредоносного программного обеспечения и захватом контроля над удаленными машинами. Однако

когда совершается кибернападение на государство, как это недавно имело место в Эстонии и Грузии, перед ним сразу же встают проблема обнаружения агрессора (откуда совершено нападение и кто на самом деле контролирует сайты и серверы, с которых оно совершено?) и вопрос о том, какова степень причиненного ущерба. Кто руководит нападением? Правительственная служба? Наемники, которых можно «нанять» по Интернету? Частное лицо, криминальная или террористическая группировка? Как оценить ущерб и когда можно рассматривать нападение как акт войны, особенно если никто не был убит? Касается ли все это частных или общественных интересов?

Кроме того, кибернападение поднимает вопрос о том, как истолковать намерения нападающего. Возможно, это было подготовкой к обычному военному нападению или должно было сопровождать его, но оно может служить предупреждением — акт саботажа, чтобы подтвердить претензию или угрозу. Трудно решить, какие ответные действия предпринять (трудно, например, ответить на вредоносные программные средства — вирусы или трояны — бомбардировкой и еще труднее оправдать шаги, предпринимаемые в рамках Организации Объединенных Наций). Все еще больше усложняется тем, что кибернападение следует логике хаоса (чем большую неразбериху оно создаст и, следовательно, чем больше времени, энергии и денег потрачено, тем оно эффективнее), и мы никогда не узнаем о соотношении между желаемым и полученным эффектом.

Те же соображения справедливы, вероятно, и по отношению к экономическим нападениям, осуществляемым путем манипуляций и распространения слухов на фондовом рынке, а также нападениям на здоровье и окружающую среду, доказать которые также трудно (особенно благодаря освещению в СМИ деятельности экономических, уголовных, идеологических или террористических группировок, которые выступают в роли наемников или исполнителей).

Образ войны

Хотя подрывную деятельность, совершаемую против информационных систем (векторов и контейнеров), или кражу данных или манипулирование ими (контент) можно назвать информационной войной, существует и третий аспект этой войны, который касается общественного мнения: все, что имеет меньшее отношение к доступности или функциональности полезной информации, чем распространение эмоционального послания. Поэтому **информационная война заклю-**

чается в том, чтобы обеспечить такое положение, чтобы собственная версия фактов, изображений, ценностей, неудовлетворенности и антипатии преобладала над версией другой стороны¹⁹.

Оглядываясь назад, можно увидеть, что отношения между сильными и слабыми сторонами изменились после войны во Вьетнаме (когда Соединенные Штаты проигрывали войну репутаций, потому что не имели возможности осуществлять контроль в этой области), и первой войны в Персидском Заливе (когда Соединенные Штаты выигрывали войну репутаций благодаря монополии СиЭнЭн на показ войны). Теперь каждый может нарисовать свою картину. В то время как Соединенные Штаты создают типично голливудскую версию войны в Ираке (с героическими солдатами, падающей с пьедестала статуей диктатора и т. д.), «джихадисты» преподносят своей публике цифровую версию оккупации Ирака, где демонстрируются свидетельства будущих мучеников и наказание предателей, которых снимали во время казней. Когда палестинцы упражняются в фотографировании своих жертв, а Хезболла начинает вещание по своему собственному телевизионному каналу, те, кто на стороне Израиля, создают целые программы в Интернете или на телевидении и показывают, что все подтасовано и что Цахал самая не кровожадная армия мира.

С тех пор как войны перестали вестись только на полях сражений, но и добрались до киберпространства и всех телевизоров мира, война, которая идет за «умы и сердца», стала, по крайней мере, так же важна, как и настоящие военные успехи.

Заключение

Должны ли мы отказаться от попыток понять войну и дать ей определение? Мы рассмотрели новые символические и технические акты насилия и предложили аргументы в пользу обновленной полемологии²⁰, которая должна объяснить механизмы войны, должным образом приняв во внимание знаки и символы.

19 См. определение в работе: François-Bernard Huyghe, *Maîtres du faire croire. De la propagande à l'influence*, Vuibert, Paris, 2008.

20 Myriam Klinger, *Héritage et actualité de la polémologie*, Téraèdre, 2007; см. Также: F.B. Huyghe, *Anthologie de textes sur la polémologie*, 2008, доступно по адресу: www.huyghe.fr/actu_482.htm (последнее посещение 13 февраля 2009 г.; 'Polemology'; Erwin Laszlo, Linus Pauling and Chong-nyol Yu, *World Encyclopedia of Peace*, Pergamon Press, New York, 1986.

По окончании холодной войны многие верили в то, что если уж нельзя обеспечить мир, то война будет ограничиваться двумя тенденциями: переходом планеты или большинства ее жителей к демократическим ценностям (люди все продолжают повторять вслед за Кантом, что республики не воюют друг с другом)²¹ и огромным превосходством супердержавы. Конечно, это факторы, которые свидетельствуют не в пользу традиционных конфликтов между национальными государствами. Однако этот новый факт не помешал обнаружить новые слабые места, которыми могут воспользоваться агрессоры, увеличение числа причин, в том числе идеологических, чтобы начать войну, и распространение технологий, которые могут быть использованы в конфликтах новых типов. Мечта о международном порядке, который будет поддерживаться международными силами полиции, по возможности, добродетельной и альтруистической витает в воздухе. Однако война — или конфликт — взламывает свою классическую матрицу и все границы²² во всех смыслах этого слова: ограничение по времени, пространству и традиционным инструментам войны, а также границы, которые ранее отделяли войну от других форм политического, экономического или идеологического конфликта. Война начинает носить смешанный характер, но это не причина оставить попытки понять ее.

21 Immanuel Kant, *Practical Philosophy*, trans. and ed. Mary Gregor, Cambridge University Press, Cambridge, 1996, p. 12.

22 Lang Qiai and Xiangsui Wang, *Unrestricted Warfare*, Pan-American Publishing Company, Panama City, 2002.